

В. Г. Белинский

**Краткая история Франции
до Французской революции.
Сочинение Мишле...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Краткая история Франции до Французской революции. Сочинение Мишле...

«...Во Франции, после революции и владычества Наполеона – событий, познакомивших ее с другими народами, вдруг произошла сильная реакция всему старому. Реакция эта с особенною силою выразилась в литературе. Франция разрушила капища кумиров своих, сбросила их статуи с пьедесталов и разбила их. Корнель, Расин, Буало, Мольер, Кребильон, потом Вольтер со всем энциклопедическим причетом – все это было ниспровергнуто, отринуто...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Краткая история Франции до
Французской революции.
Сочинение Мишле...**

*КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ ДО
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Сочине-
ние Мишле, профессора исторических
наук. Перевел с французского Констан-
тин Пуговин. 1838. Санкт-Петербург. В
типографии департамента внешней
торговли. 329. (8).*

«Не родись умен, не родись пригож – родись счастлив», – говорит русская поговорка; мы вспомнили ее, читая уродливую компиляцию Мишле и видя, что она переведена хорошо. Предосадно читать дурные книги, хорошо переведенные: это все равно, что читать хорошую книгу, дурно переведенную.

Во Франции есть свои явления умственно-го мира, достойные всякого уважения, представители нации, делающие ей честь. Условие достоинства французских ученых такого рода заключается непременно в их народности, в том, чтобы они были французами по преимуществу и вполне выражали собою дух своего общества. К таким людям принадлежат: Кювье, Депюитрен, Жоффруа де Сент-Илер, Гизо и некоторые другие; это, по большей части, умы точные, практические, глубокие и основательные в своей сфере, верные своей точке зрения. Кроме того, как все люди с истинным достоинством, они добросовестны, не любят фанфаронад и громких фраз. У французов есть способность рассказывать факты, представлять исторические события в связи и картинно, и, в этом отношении, осо-

бенно можно указать на Тьерри, известного своим превосходным творением «La conquete de l'Angleterre par les Normands»{1}. Да, истина непреложная, что у всякого народа есть своя жизнь, свое значение, своя действительность и своя призрачность, свое великое и свое пошлое. Мы сказали о великом французского народа в учено-литературном отношении: перейдем к его пошлому.

Во Франции, после революции и владычества Наполеона – событий, познакомивших ее с другими народами, вдруг произошла сильная реакция всему старому. Реакция эта с особенною силою выразилась в литературе. Франция разрушила капища кумиров своих, сбросила их статуи с пьедесталов и разбила их. Корнель, Расин, Буало, Мольер, Кребильон, потом Вольтер со всем энциклопедическим причетом{2} – все это было ниспровергнуто, отринуто. Вдруг образовались две школы: *идеальная* и *неистовая*{3}. Представители первой были Шатобриан и Ламартин. Бесспорно, это люди честные, добрые; но в поэзии требуется нечто другое, кроме хорошего поведения, – требуется дар творчества, кото-

рый один может сделать человека художником, а его-то у них и недоставало, по крайней мере в соразмерности с их претензиями на художническую генияльность. Но что ж долго думать? – Если не художественность – так фразы, не гений – так претензия на генияльность. Они так и сделали. Это самая опасная и вредная школа, потому что ничто так не портит молодых людей, как приторная чувствительность, надутая возвышенность и вообще фразерское направление. Такая поэзия делает людей призраками, закрывая от их глаз, туманом фразеологии, живую действительность. Шатобриан имеет еще значение как государственный человек, много живший, много видевший, и как писатель собственно, а не поэт; но Ламартин с своими неистощимыми слезами о бедствиях человеческих и чуть ли не полумиллионом годового дохода, с своим поэтическим ореолом из золоченой бумаги и претензиями на политическую значительность, с своими заоблачными мечтаниями и светскою мелочностью, есть не что иное, как длинная водяная элегия, начиненная искусственными вздохами и поддельными слеза-

ми, пышная фраза на ходулях, риторическая восклицательная фигура. Но что нужды? – Франция провозгласила его великим поэтом, а огромная нация *добрых людей*, рассеянная по всему белому свету, поверила ей на слово. Вот какова *идеальная* школа романтических поэтов Франции. *Неустовая* не такова. Она происходит по прямой линии от Байрона. Дело вот в чем: Байрон, как новый атлант, поднял на свои мощные рамена страдания целого человечества, но не пал под эту ужасную тяжесть. Душа его была – бездонная пропасть; его притязания на жизнь были огромны, и жизнь отказала ему в его требованиях. Он оперся на самого себя и, новый Прометей, терзаемый коршуном – ненасытимою жаждою своего беспокойного духа, вопли гордой души своей передал в чудных, художественных образах. Это был поэт гордого самим собою отчаяния. Сын XVIII века, он с презрением оттолкнул от себя его бедные радости, его нищенские наслаждения – и не узнал истинных радостей, истинных наслаждений, того богатства духа, которого ни ржа не точит, ни тать не похищает. В аравийской пустыне же-

лезного стоицизма нашел он свое убежище от карающей его и презираемой им судьбы, и не достиг до обетованной земли благодати, где открывается вечная истина, разрешаются в гармонию диссонансы бытия и мерцает таинственным блеском заря бесконечного блаженства. Да, благородному лорду дорогою ценою обошлись его дивные песни: они были им выстраданы. Но наши господа *неистовые* об этом не подумали: им показалось очень *эффектно* бранить и проклинать жизнь... И вот —

Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова{4}.

Выпустили на свет белых медведей, Ганов, Лукреций Борджиа и пр.{5}. Все, что есть отвратительного в человеческой природе, все ее уклонения, все, что есть ужасного в гражданском обществе, все его противоречия – все это они *отвлекли* от природы человека и от гражданского общества, и ряд чудовищно нелепых романов, повестей и драм наводнил весь белый свет. Евгений Сю просто-напросто объявил, что на этом свете быть честным и

добрым значит метить прямо на виселицу или на колесо, а быть мерзавцем и извергом есть верное средство наслаждаться всеми благами мира сего. Гюго объявил себя защитником всех гонимых, то есть физических и моральных чудищ: по его теории, все сосланные на галеры с клеймом лилии – люди добродетельные, невинно гонимые обществом. Бальзак проповедует, что быть бедным – все равно, что заживо попасть в ад, и что быть счастливым и блаженным значит – иметь кучу денег и право ставить перед своей фамилией частицу *де*. Дюма возвестил миру, что любить женщину значит быть готовым каждую минуту задушить, зарезать ее; что сильно и глубоко чувствовать значит быть тигром, гиеною. Жорж Занд приглашает людей к естественному состоянию, почитая гражданские установления и особенно брак главной причиной человеческих бедствий. Разврат, кровосмешение, разбой, отцеубийство, детоубийство, братоубийство, предательство, казни, пытки, кровь, гной, резня, тюрьмы и дома разврата – сделались любимыми пружинами для возбуждения эффекта. И что же, вы

думаете, что это люди с сильными страстями, с могучею волею, мученики жизни? – Ничего не бывало! это просто добрые ребята, краснощекие, полные, здоровые, богатые, по моде одетые, роскошно живущие. За вкусным обедом и бутылкою шампанского они охотно забывают свое ожесточение против жизни, а за порядочную сумму денег готовы написать дифирамб в честь ее. Они *так* писали только потому, что это было в моде и товар хорошо с рук шел{6}. Дайте им денег – они обратятся к религии – и к какой вам угодно: к христианской (даже к католицизму), к магометанской, к жидовской; надбавьте цену – они поклонятся идолам. Это народ стоворчивый, и если вы увидите у которого-нибудь из них на лбу морщины, а на устах злую усмешку, то смело можете сказать:

*Какой сердитый вид!
Не бойтесь – он на дождь сердит!*
{7}

Четыре главные момента были в истории французского искусства и литературы вообще: век стихов Ронсара и сентиментально-ал-

легорических романов девицы Скюдери; потом блестящий век Людовика XIV; далее XVIII век; за ним – век идеальности и неистовости. И что же? – Несмотря на внешнее различие этих четырех периодов литературы, они тесно соединены внутренним единством, отличаются общностью основной идеи, которую можно определить так: *надутость и приторность в идеальности и искренность в неверии, как выражение конечного рассудка, который составляет сущность французов и которым они торжественно превозносятся, величая его здравым смыслом (bon sens)*. Поэтому самая цветущая эпоха французской литературы была в XVIII веке. Сатанинское владычество Вольтера было действительно, потому что выразило собою момент не только целого народа, но и целого человечества. Это был человек могущий, которого мысль и слово имели несчастное, но в то же время действительное значение. В *неистовой* школе видны те же семена неверия и разрушения, но семена не в духе времени, случайные, призрачные, подгнившие и потому не пускающие ростков. Вольтер был подобен сатане, освобожденно-

му высшего волею от адамантовых цепей, которыми он прикован к огненному жилищу вечного мрака, и воспользовавшемся кратким сроком свободы на пагубу человечества; господа *неистовые* похожи на мелких бесенят, которым много-много если удастся соблазнить православного полакомиться в постный день ложкою молока или заставить набожную старуху проспять заутреню. Вольтер, в своем сатанинском могуществе, под знаменем конечного рассудка, бунтовал против вечного разума, ярясь на свое бессилие постичь рассудком постижимое только разумом, который есть в то же время и любовь, и благодать, и откровение; *неистовые* отверглись Вольтера, презирают безверие и нечестие XVIII века, признают и любовь, и благодать, и откровение и в то же время устремляют все усилия своих ограниченных дарований и конечных умов, чтобы противоречиями жизни (которых они не в силах примирить по недостатку любви, благодати и откровения) доказать, что мир божий есть мрачная пустыня, где слышны только стоны и скрежет зубов. Не одно ли и то же оба эти явления? —

Да, одно и то же; но между ними есть и большая разница: первое было выражением исторического момента, второе – совершенно случайно, произвольно и потому ничтожно. Вольтер и его сподвижники были люди примечательные, даровитые, сильные, в самом своем несчастном ослеплении; а господа *неистовые* – просто люди, взявшиеся за дело не по плечу себе, гении-самозванцы. Первые были Титаны, восставшие против державного Олимпа и пораженные его громами; вторые – шаловливые школьники, затеявшие обобрать чужое вишневое дерево и думающие, что они ниспровергают целый мир. Чтобы образумить первых, нужны были громаы, для вторых достаточно хороших розог. Первые выражали свою внутреннюю разорванность, свое распадение и муки от него; вторые прикинулись разочарованными и схватились за богохульство, как за средство для эффектов.

Если *неистовая* школа есть повторение школы XVIII века, то *идеальная* есть повторение двух первых – школы Ронсара, вкупе с девицею Скюдери, и школы Людовика XIV: переменились слова, переменилась мода, сущ-

ность осталась та же. Это те же фразы, то надутые, то сентиментальные, вывескою которых может служить знаменитый монолог, начинающийся стихом:

*A peine nous sortions des portes de
Trezene[1]{8}.*

Да не подумают, что мы унижаем французскую литературу и умышленно не хотим в ней видеть ничего хорошего. Нет, мы видим в ней и ее хорошую сторону. Эти же люди, если бы они захотели быть самими собою, а не лезли бы в мировые гении, были бы порядочными писателями, которых сказочки и водевильчики очень весело было бы читать за завтраком и после обеда, за чашкою кофе. Сверх того, у французов есть и блестящие дарования. Один Беранже, впрочем, не принадлежащий ни к идеальной, ни к неистовой школе, есть такой поэт, которым Франция по справедливости может гордиться. Его сфера очень ограничена, но в самой ее ограниченности есть своя бесконечность, потому что и у французов, лишенных мирового созерцания, есть своя сфера бесконечного. Беранже – гуля-

ка праздный;{9} поцелуй Лизеты, бокал шампанского, победа республиканских войск или армии Наполеона: этим он доволен, больше он ничего не хочет знать. Деист XVIII века по своим религиозным верованиям, республиканец и вместе наполеонист по своим политическим понятиям, язычник по своему взгляду на жизнь, беспечный, легкомысленный, остроумный, веселый, часто бесстыдный до отвратительного цинизма, иногда даже возвышенный и глубоко чувствующий, – он француз в душе и истинный поэт. Поэтому у него нет натянутостей, нет фраз. Я, говорит он, пою безделки:

*Mais Dien brille a travers ma gaité...
Il a beni ma puivreto[2]{10}.*

К довершению всего, Беранже есть явление действительное, в полном смысле этого слова, потому что он есть полное выражение народного духа Франции и *истинный* поэт.

В то самое время, когда возникали *идеальная* и *неистовая* школы литературы, во Франции возникала германско-французская ученая школа. Дело было вот каким образом: Ку-

зен, не зная по-немецки, два часа поговорил avec monsieur Hegel[3] (Гежель или Эжель) и узнал, что Гегель – великий философ, постиг всю его философию и начал проповедовать во Франции *эклeктизм*. Лерминье – тоже гений первой величины{11}, дни в два ниспроверг авторитет Кузена во Франции и объявил, что французы, как и всякий другой народ, должны иметь свою философию, потому что разум – познавательная сила, не один и тот же у всех людей, и бытие – предмет знания – не одно и то же. По его теории, сколько голов, столько и умов, и все эти умы суть разноцветные очки, в которые и мир и истина кажутся разноцветными, абсолютной истины нет, а все истины относительные, хотя они и ни к чему не относятся. Христианская религия абсолютная, и ее божественный основатель на царство духа указал нам, как на цель наших верований, и чрез дух же обещал *ним* постижение этого благодатного и бесконечного царства; но Лерминье не христианин, а сенсимонист. Впрочем, и у нас нашлись *добрые люди*, лет двадцать уже сидящие неподвижно на синтезе и анализе{12} и от души поверив-

шие французскому болтуну, что истина не одна и что каждый народ должен иметь свою философию. К этой *германско-французской* школе принадлежат Мишле, Кине и несколько других фразеров. Конечно, это люди не без дарований, не без ума и не без сведений, но видите ли что: над ними сбылись эти насмешливые стихи нашего великого баснописца:

*И сделалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона{13}.*

Мы уже сказали, что условие достоинства всякого действующателя на литературном поприще есть его народность; а эти люди, сделавшись германцами, в то же время не перестали быть французами. Оба эти элемента в них не проникли конкретно один другого, а остались неслившимися отвлеченностями. И потому в них беспрестанно враждуют конечный рассудок с претензиями на мировое созерцание. Результатом этой борьбы необходимо должны были быть *произвольность во мнениях и надутая фразистость в выражении.*

Книга, подавшая нам повод к этому длинному рассуждению о французах, есть сочинение, как значится в ее заглавии, знаменитого Мишле, ученого германско-французской школы. По выходе ее перевода почти все наши журналы пали перед нею ниц: имя великого Мишле для них было ручательством достоинства книги{14}. В самом деле – француз и еще новой школы —

*Как тут сметь
Свое суждение иметь!{15}*

Что же такое этот великий господин Мишле? – Это просто один из людей, очень обыкновенных везде, даже и у нас, и немногим выше тех литературных судей, которые у нас становятся перед ним на колена. Впрочем, его праздник у нас уже проходит: те самые люди, которые прежде с торжеством и коленопреклонением провозгласили его имя, вместе с другими именами того же сорта, теперь уже начинают разочаровываться в его гениальности. Вот что значит подрасти! А то бывало – не смей и слова сказать о новых французах; по крайней мере мы и теперь еще помним,

как, лет семь или восемь назад, в одном журнале напали на г. Кронеберга за то, что он осмелился сказать, будто у французов нет философии и что Кузен – плохой философ...{16}

«Краткая история Франции» Мишле есть очень плохая компиляция, каких у нас много и своих. Не понимаем, зачем было переводить ее. С одними русскими книгами, без всяких иностранных пособий, можно наподряд составить историю Франции и толковитее, и яснее, и существеннее. В книге Мишле ни умозрения, ни философских взглядов, ни фактов – одни фразы и нескладное повествование без всякого содержания. Вначале толкутся цельты, иберы, кимбры, тевтоны, свевы, узипины, танктеры – кричат, шумят – ничего не разберешь. Их покоряют римляне – и все это видишь, как в тумане или в каком-то тяжелом сне: никакой картинности, ни малейшей перспективы, ни искры повествовательного таланта! Это какой-то несвязный бред расстроенной головы. Карл Великий чуть-чуть не пройден молчанием – и поделом ему: он дурно поступал с саксонцами, а Мишле – защитник угнетенного человечества, строгий

и грозный судья минувших поколений и исторических лиц. Он казнит и награждает их.

Не угодно ли полюбоваться фразами великого историка?{17}

Англия первая открыла Франции тайну сил ее; зато тяжки были испытания, которыми она должна была купить эту благодетельную тайну. Как в руках демона-искусителя, она проходила страшные круги Дантова ада, называемого историей четырнадцатого столетия; но искушение не кончилось еще и в пятнадцатом веке. Ей нужно было погрузиться до дна и потом уже всплыть.

Не правда ли – слог такой высокий, что даже ничего понять нельзя?..

Оставшееся при нем (при Генрихе V, короле английском) войско должно было неминуемо погибнуть, если бы в советах Франции нашелся хоть один умный человек.

Это уже не высота, а остроумие, которое в истории очень хорошо, как соль за столом.

Проезжая теперь по Италии и видя столько следов, оставленных войнами шестнадцатого века, нельзя не чувствовать в душе тоски, нельзя не проклинать варваров, начавших эти опустошения. Кто превратил Мареммы в пустыню? – полководец Карла Пятого; кем сожжены эти великолепные дворцы, которых печальные развалины поражают взор путника? – ландскнехтами Франциска I.

Точь-в-точь, как отрывок из какого-нибудь сентиментального путешествия. Но в исторической учебной книге и это хорошо – для разнообразия; а то ученик может соскучиться, находя в ней одно дело да дело.

Католическими войсками предводительствовали тогда величайшие из полководцев, знаменитый тактик Тилли и Валленштейн – настоящий демон войны.

Вот что хорошо сказано – «настоящий демон войны!» Это по-нашему, по-русски: ведь демон все равно, что черт; а у нас простой народ, желая похвалить кого-нибудь за удаливость, обыкновенно говорит: «Он черт на все!»

Думали ли наши мужики, что великий историк Франции, в учебной своей книге, выражается их языком!

В то время они (парламенты) очень низко преклоняли свои головы, но когда подняли их и удостоверились, что они еще у них на плечах, когда увидели, что властитель (Ришелье) действительно умер, тогда почувствовали себя храбрыми и заговорили громко – точно вырвавшиеся на свободу школьники, в промежуток между начальством двух учителей – Ришелье и Людовика XIV.

Прочтя эту саркастическую выходку г. Мишле против парламентов, мы, подобно миргородскому судье, восхитившемуся просьбою Ивана Ивановича Перерепенко, воскликнули: «Что за бойкое перо! Господи боже, как пишет этот человек!»{18}

С другой стороны являлась Голландия, небольшая страна, населенная народом грубым, корыстолюбивым, молчаливым (?), произведшим столько дел без всякого величия. Начальный подвиг его состоял в том, что, несмот-

ря на океан, он поддерживал свое существование, – это было первое чудо; потом он стал солить сельди и сыр; потом променял смрадные свои бочки на бочки золота; наконец, учредив банк, сделал это золото плодотворным: червонцы высиживали деток. В половине семнадцатого века голландцы радостно прибирали к рукам отделившиеся от Испании участки; отняли у нее море, а вдобавок и Индию.

За что г. Мишле так сердится на бедных голландцев? – Уж не за то ли, что они слишком жестоко проучили его великого короля, Людовика XIV? – Но за это может сердиться на них француз, а не историк, которого первое достоинство должно состоять в объективном созерцании событий. Он сердится на них за то, что они *много великих дел совершили без всякого величия*. Важное обвинение – в нем высказался француз! Величие в великих делах у французов состоит в помпе, риторической шумихе и вычурной парадности – характерная черта их народности, из которой прямо вытекли трагедии Корнеля и Расина! *Рисоваться* – это страсть французов, великих

и малых. Говорят, когда англичанину наскучит жить, то он ест в последний раз пудинг и, заложив двери своего кабинета на крючок, застреливается. Француз делает это совсем иначе: он заранее объявляет в журнале, что ему жизнь в тягость, потому что она не дала ему, чего он стоит, то есть ста тысяч ливров годового дохода, славы первоклассного писателя и министерского портфеля (во Франции нет ни одного человека, который бы не считал себя стоящим всего этого), что люди ему ненавистны, потому что не умели оценить его великих дарований; потом нанимает музыкантов и, проговоривши народу, на площади, с помоста или просто с подмосток свою последнюю речь – образец велеречия, с величием древнего римлянина закалывается, при плесках восторженной толпы. Так умирают во Франции юноши, разочарованные жизнью, и кухарки, покинутые своими любовниками. Г-ну Мишле не нравится и то, что голландцы *молчаливы*: опять виден француз, говорун и болтун по природе своей. Зачем г. Мишле сердится на *смердные* бочки голландцев? – конечно, запах сельдей не похож на за-

пах роз; но в торговле аромат – последнее дело.

Говоря о веке Людовика XIV, он пересчитывает его славных писателей, между которыми включает и г-жу Севинье. Убил бобра!

В то же время система Декарта была доведена до крайнего развитая; Малербранш снова относил разумение человеческое к богу (?), и вслед за тем, в протестантской Голландии, враждовавшей с католическою Франциею, раскрылась бездонная пропасть, готовившаяся поглотить католицизм и протестантизм, свободу и нравственность, идею бога и мир: эта бездна – система Спинозы.

Великий боже, что за галиматья! Пойми, кто может – хвалит или порицает великий фразер великого философа! Что значит слово «поглотить»? Не ошибся ли г. переводчик: не стоит ли в подлиннике «обнять»? Но и в таком случае галиматья по-прежнему останется галиматьею. Спиноза – этот глубокий и великий философ, который первый мировое созерцание объявил содержанием философии, бога

поставил предметом абсолютного знания, – этот Спиноза проглотил свободу и нравственность, и пр., и пр. Да как г. Мишле не подавился таким глотком, который он так великодушно приписывает Спинозе!

В соседственных с Франциею странах преобладал скептицизм: за отрицательным учением Юма следовал мнимый догматизм Канта (?); превыше всего раздавался поэтический голос Гете, гармонический, но безнравственный и равнодушный.

Час от часу не легче! *Поэтический* и, в то же время, *безнравственный!* Вот как понимают искусство французы, этот народ, лишенный от природы лучшего дара божиего – чувства изящного! Да что говорить о французах, когда у нас, на Руси, недавно была переведена ничтожная книжонка Менцеля, устремленная против Гете. Но – слава богу! – наша публика не приняла этой памфлеты крикуна, который ненавидит Гете за то, что он был другом царей и дорожил знаками их уважения к себе{19}.

И вся-то книга Мишле состоит из таких

фраз. Прочтя ее, чувствуешь, что совершил подвиг великий, кончил дело трудное: читая пятую страницу, забываешь, что прочел в первой, зачем эта компиляция нужна в русской литературе? Не лучше ли было бы перевести очень похвальный и дельный труд этого же самого Мишле – «Memoires de Luther, écrits par lui-meme»{20}. Так как в этой книге говорит сам Лютер, то она очень интересна, фантазии и умствования издателя можно выкинуть: от этого книга будет и короче и лучше.

Сноски

1

Едва мы вышли из Трезенских врат (*франц.*). – Ред.

[^^^]

2

*Но бог блещет в моем веселье...
Он благословил мою бедность*
(франц.). – Ред.

[^^^]

с господином Гегелем (франц.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Книга историка эпохи Реставрации Огюстена Тьерри «Histoire de la conquete de l'Angleterre par les Normands...» – «История завоевания Англии норманнами...» – высоко ценилась Белинским за историческую точность, мастерство изложения; по живости рассказа критик ставил сочинение Тьерри в один ряд с романами Вальтера Скотта (см. статью об «Истории Малороссии» Николая Маркевича, 1843, наст. изд., т. 5). Четвертое издание книги О. Тьерри (Брюссель, 1835) имелось в личной библиотеке Белинского (см.: ЛН, 55, с. 568).

[^^^]

У Пушкина в стихотворении «К вельможе»:

*..... Дидерот
Энциклопедии скептический при-
чет.*

Имеются в виду энциклопедисты, объединившиеся вокруг «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (35 томов, 1751–1780), которую издавал Дидро (при ближайшей помощи Даламбера) и в которой участвовали Вольтер, Гельвеций, Гольбах, Руссо и др.

Позже, отойдя от идей «примирения с действительностью», Белинский писал В. П. Боткину: «Отрицание – мой бог. В истории мои герои – разрушители старого – Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т. п.» (письмо от 8 сентября 1841 г.).

[^^^]

3

Белинский имеет в виду две школы французского романтизма.

[^^^]

4

Из басни Крылова «Музыканты».

[^^^]

5

Имеются в виду роман «Ган Исландец» и драма «Лукреция Борджиа» Гюго.

[^^^]

6

Это обвинение, да и то частично, может быть отнесено только к Эжену Сю (см. рассуждение Белинского на эту тему в рецензии на роман Сю «Парижские тайны» – наст. изд., т. 7).

[^^^]

7

Неточно цитируется стихотворение И. И. Дмитриева «Надпись к портрету».

[^^^]

8

Монолог Терамена в «Федре» Расина (акт V, сцена VI).

[^^^]

9

Слова Сальери о Моцарте в «Моцарте и Сальери» Пушкина (сцена I).

[^^^]

10

Из стихотворения «Кардинал и песенник» (1829). Белинский не обратил здесь внимания на острополемический, антицерковный характер стихотворения Беранже. В 1840-е гг. он будет подчеркивать и высоко ценить политическую, антирелигиозную направленность поэзии Беранже. «Это пророк свободы гражданской и свободы мысли. Его матерные стихотворения на религиозные темы – прелесть», – писал Белинский Боткину 28 июня

1841 г.

[^^^]

11

Высказывания Белинского о Кузене и Лермине во многом совпадают с суждениями А. И. Тургенева (см. наст. т., с. 292–293, 352–353). Об эклектизме Кузена Белинский писал и раньше – наст. т., с. 96.

[^^^]

12

О намерении Белинского «спихнуть» Полевого «с синтеза и анализа» см. прим. 9 к рецензии на XI–XII тома «Современника».

[^^^]

13

Цитируется басня Крылова «Ворона».

[^^^]

14

Восторженные отзывы о Мишле и его книге были опубликованы в «Современнике», 1838, т. X, отд. IV, с. 71 первой нумерации; в «Библиотеке для чтения», 1838, т. 27, № 3, отд. VI, с. 19 и № 4, отд. VI, с. 34, т. 31, № 12, отд. V, с. 53–60, в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», 1838, № 19, 7 мая, с. 369.

[^^^]

15

Неточно приведены слова Молчалина из «Горя от ума» Грибоедова (д. III, явл. 4).

[^^^]

16

Белинский вспоминает рецензию на «Брошюрки, изд. И. Кронебергом. № VIII», Харьков, 1832, опубликованную в «Московском телеграфе», 1832, № 16, с. 556–562.

[^^^]

17

Далее цитируются (с незначительными неточностями) следующие страницы книги Мишле: 162, 169–170, 189, 265, 272, 281, 289, 326. Курсивы Белинского.

[^^^]

18

Цитата из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя (гл. IV).

[^^^]

См. в наст. т. прим. 16 к статье «Менцель, критик Гете».

[^^^]

Белинский имеет в виду книгу «Memoires de Luther, ecrits par lui-meme, traduits et mis en ordre par J. Michelet...» («Мемуары Лютера, написанные им самим, переведенные и обработанные Ж. Мишле...»); вышла двумя изданиями: в Париже (1835) и Брюсселе (1837). Книга представляет собой биографию Лютера, составленную из ряда его произведений и высказываний, соединенных текстом Мишле.

[^^^]

[^^^]